Валентина Никитина

Рогожская застава – Застава Ильича

Валентина Никитина

Рогожская застава – Застава Ильича

«Издательские решения»

Никитина В.

Рогожская застава – Застава Ильича / В. Никитина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909982-2

Чем жестче мы держимся за других, тем больше потом будем страдать. Но люди не понимают этого, так как думают, чем сильнее они держатся за кого-то, тем больше проявляют заботы. На самом деле они так крепко держатся из страха за себя самих. Кроме всего прочего, мы проецируем наши иллюзии на реальную жизнь. Мы ждем от других людей соответствия нашим мечтам, идеалам и романтическим фантазиям. Но они не могут идеально вписаться в эти рамки.

ISBN 978-5-44-909982-2

© Никитина В.
© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ ВЛАДИМИРОВКИ ОТ РОГОЖСКОЙ ЗАСТАВЫ 6
2 7
3 8
5 9
6 10
БАРАКИ И КОММУНАЛКИ 11
7 12
8 13
9 14
10 15
11 16
12 17
13 18
14 19
ПОХОРОНЫ И. В. СТАЛИНА 20
15 21
16 22
17 23
18 24
19 25
НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО 26
20 27
21 28
22 29
23 30
24 31
25 32
26 33
27 34
28 35
29 36
30 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Рогожская застава – Застава Ильича

Валентина Никитина

© Валентина Никитина, 2018

ISBN 978-5-4490-9982-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ ВЛАДИМИРОВКИ ОТ РОГОЖСКОЙ ЗАСТАВЫ

За Рогожской Заставой, что в Москве, сразу начинается Шоссе Энтузиастов, до революции 1917 года известный, как Владимирский тракт. По нему со всей России арестанты, ссылаемые в Сибирь поступали в «Бутырский тюремный замок», откуда они, до постройки Московско-Нижегородской железной дороги, отправлялись пешком по Владимирке на каторгу. Поколениями видели рогожские обитатели по нескольку раз в год эти ужасные шеренги, проходившие мимо их домов, звеня кандалами. Говорят, что Сталину очень понравилась шутка одного из подчиненных, «обозвавшем» движение заключенных (в том числе и политических) по Владимирскому тракту «маршем энтузиастов». На следующий же день Владимирский тракт был переименован в Шоссе Энтузиастов, а Рогожская Застава в Заставу Ильича.

Дурная слава закрепилась за этой дорогой давно. Говорят, что и в наши дни на разных участках шоссе Энтузиастов не раз видели страшного бородатого мужика, смахивающего на бомжа: бродит тяжело, «будто цепь за собой волочит», и норовит остановить проезжающий транспорт. «Легенда гласит, что это призрак разбойника-каторжанина, загубившего более ста душ и сгинувшего на этапе по Владимирскому тракту «без покаяния и погребения». Теперь совестью мучается: остановит машину и просит: «Простите меня, люди добрые!» И если вам доведется увидеть на шоссе привидение душегубца, машущего рукой, ни в коем случае не останавливайте автомобиль, а если уж остановили и услышали просьбу: «Прости меня, добрый человек!» – отвечайте: «Бог простит!» – и немедленно уезжайте.

2

Согласно другой легенде именно над этой дорогой летали московские ведьмы на шабаш к ведьмам киевским.

Слово «Владимирка» вошло в русский разговорный и литературный лексикон, как синоним понятия о безотрадном и скорбном мученическом пути на сибирскую голгофу изгнанников, борцов-энтузиастов с царизмом за лучшую долю, свободу и счастье угнетенного трудового народа России.

Вся она сплошь состояла из постоялых дворов, в которых останавливались все обозы, проходившие по Владимирскому и Рязанскому трактам. Дома были все каменные, двухэтажные, но сами дворы были с деревянными навесами и вымощены тоже деревом.

Вся улица была уставлена продающимися телегами, тарантасами, кибитками. Торговали на ней и экипажами средней руки, и шорным товаром, и всем, что нужно ездившим по дорогам. Для проезда оставлена была только середина улицы. Улица эта была очень широкая. На ней с раннего утра толпился народ и она представляла большую ярмарку.

Далее за Горбатым мостом начиналась Дангауэровская слобода.

Здесь, около заставы, находилась пересыльная тюрьма, где останавливались для отдыха и проверки идущие в Сибирь арестанты. Это было местом последнего прощания с женами и родными. Сколько горьких слез пролито в этом «желтом» мрачном доме и около него! Каждый понедельник или вторник выводили отсюда арестантов и выстраивали их. А по обе стороны дороги стояли, дожидавшиеся их, заплаканные бабы с узелками в руках. Впереди каторжные в кандалах, ножных и ручных, далее в одних ручных, а там и просто без кандалов, а за ними возы с бабами —

3

женами, ехавшими за мужьями, детьми и больными. Лязг цепей, звяканье ружей конвойных, плач матерей, жен и близких родных ссылаемых – все это представляло такую душу надрывающую картину, что жутко становилось и больно-больно ныло сердце.

Конвойные гнали партию дальше, и, оглядываясь в последний раз, арестанты видели тоскливое, гнетущее сердце убожество Дангауэровской слободы, ее сгорбленные хибарки, кособокие заборы, не просыхающие лужи и босоногих зачумленных ребят, высыпавших на дорогу. Это прощальное видение города оставалось в душе горьким воспоминанием. Казалось, заодно с женами неутешно горюет каждая улочка московской рабочей окраины, провожая на каторгу своих сынов.

Город недружелюбно поглядывал на окраину, отгородившись от рабочей слободы Старообрядческими, Бобылевскими, Вдовьими переулками, выставив, как заслон, купола церквей и непролазную грязь немощеных тротуаров. Город тяготился своей окраиной. Но обойтись без нее нельзя было. В цехах Дангауэра гнули свои спины рабочие. И как бы вымещая свою злобу, свою ненависть к рабочей окраине, купеческо-дворянский город оставил ее без уличного освещения, без воды, без мостовых – » в грязи и мраке…»

Старую Дангауэровку перестроили в Москве в числе первых, еще в конце двадцатых годов. Здесь возник один из первых в Москве «соцгородков» – «Новые дома», как стали называть их в народе, однако для старожилов, помнящих «Дангауэровский посёлок» название оставалось прежним.

Тракт, ведущий из Москвы через Рогожскую заставу, – очень интересный тракт. Вся Владимирка полита горькими слезами: по ней прошел в далекую Сибирь на каторгу, звеня цепями, не один

4

десяток тысяч несчастных преступников. Но по этой же Владимирке тянулись один за другим большие обозы с товаром, которые шли почти непрерывным потоком. У этих были свои «стоянки». Они двигались степенно, не спеша, хотя даром времени не теряли и Поспевали к сроку доставить на ярмарку товар. Немало разъезжало по этой дороге и любителей легкой наживы, но им здорово влетало, и они утекали в свое гнездо не солоно хлебавши.

Постоялый двор с трактиром Саввы Давыдова был последним перед заставой, где можно было остановиться и передохнуть перед дальней дорогой по Владимирке.

По субботам и особенно перед большими праздниками в Москве ходили в баню. Женщины ходили гурьбой, всей семьей, а семьи бывали большие. Это было какое-то торжественное шествие – с узлами, со своими медными тазами, а то грех из чужих мыться. В банях теснота, шум, возня и часто брань. За такими семьями часто посылались дровни, так как из бани идти пешком тяжело. В такие дни по улицам целый день двигался народ в баню и из бани, и у всех веники, которые тогда давали желающим даром, а желающие были все – веник в доме вещь необходимая.

Трактир представлял собой двухэтажное здание с полуподвальными помещениями. В полуподвале размещались номера для гостей и кладовые. Практически в каждом номере было окно, которое наполовину находилось ниже уровня земли, а наполовину выше. Так что сидя в комнате, постояльцу видны были только ноги проходящих по улице людей. Весь нижний этаж и фундамент был каменным, а второй этаж, скорее бельэтаж, был деревянным. Здесь находился кабак с большой кухней, где круглосуточно готовилась еда.

5

Кухня была отгорожена от зала, где стояли столы с лавками для посетителей. Зал был большим, а насчет угощения, так только птичьего молока да рыбьих яиц не было, да к этому приправа – ласковые речи да взгляды молодой хозяйки.

Сам хозяин трактира с семьей жил в отдельном домике, который стоял тут же рядом. На дворе находился еще ряд хозяйственных построек в виде большого сарая, где хранились дрова, утварь и другие необходимые для хозяйства вещи. На заднем углу двора находился нужник и помойная яма. Все это было огорожено добротным, высоким, деревянным забором с огромными воротами и калиткой, которые запирались на ночь. В таком виде эти строения оставались аж до середины 50-х годов прошлого столетия. Только после революции трактир заселили жильцами, для чего разделили весь второй этаж тонкими деревянными перегородками. Все полуподвальные помещения были заняты сплошь татарскими семьями.

Почти каждая семья пользовалась сараями, которые нагородили в бывшей хозяйственной постройке. Зимой тут хранили дрова, а летом делали из сарая жилую комнату, где обязательно стоял самодельный топчан, а то и стол с табуретами, лавками и этажерками, где мужики играли в карты или домино до позднего вечера, а то и оставались ночевать в душные июльские московские вечера. В Москве еще были бараки, которые настроили для рабочих, приехавших на заводы и фабрики. Это было помещение типа длинного сарая, поделенного на маленькие комнатушки без удобств. В коридоре перед каждой дверью стоял примус, на котором готовили еду.

6

В одной комнате устраивалось на ночлег по десять- пятнадцать человек, притом что на каждого приходилось меньше метра. Спали вповалку, если в комнате было одна кровать, это было богатством, а так, в основном, топчаны, да подстилка на полу. Коренные москвичи жили в лучших условиях, они занимали жилье в красивых каменных домах, с высокими потолками и просторными кухнями и коридорами. Это, в основном бывшие доходные дома, принадлежащие купцам, коммерсантам и состоятельным людям.

БАРАКИ И КОММУНАЛКИ

Я, как и многие дети послевоенного поколения, застали еще старый уклад жизни, обычаи и жизнь в коммунальной квартире прошлого века. Моя сознательная жизнь началась, где-то года в четыре- пять, а основанием для этого послужили события, которые произошли в то время.

Семей, поселившихся в нашем доме на втором этаже, было восемь. Татарская семья занимала самую большую комнату и состояла из матери с отцом и мальчишек, 20-летнего Равиля, и погодок Алима и Шамиля, моих ровесников. Еще одна семья, прозванной иностранцами-засранцами, потому, что сын тетки Евдокии после войны задержался в Германии, так как шоферил у генерала.

7

А приехал домой с двумя детьми и женой, а самое главное, с двумя огромными кожаными чемоданами заграничного барахла, которые вызывали у соседей черную зависть. Из-за этого мою подружку Светку прозвали « Светка- американка», а ее старшего брата Эдика « пижоном».

Еще одной соседкой была мать-одиночка с сыном Вовкой. В то время родить ребенка без отца считалось большим позором. Несмотря на то, что у многих детей довоенного и военного времени отцов не было, у них было на это оправдание и гордость за своих отцов, которые погибли. Людмила Шипулина своего сына родила без мужа, « нагуляла» с презрением шептали соседки. К тому же она ежегодно приводила сыну очередного «папу», потому её иначе, чем «Шипулиха – прости Господи», никто и не называл. Мы с девчонками долго обсуждали, как это нагулять, и решили, что когда подрастем гулять с мальчишками не будем, а то «принесем в подоле»

Рядом с нашей комнатой жила тетя Нина с мужем и дочкой Верочкой, которая работала машинисткой в горсовете. Тетя Нина и Верочка были огромного размера, к тому же поглощали большое количество еды, которую ели почти круглосуточно. Естественно, их тут же окрестили как « Нина- бегемотиха» и «Верочка —слон»

У нас жил большой красивый кот – Мурзик. Моя мать его «воспитывала», чтобы он не ходил по соседям, не появлялся на кухне, когда готовят, не гадил где попало, а только в свой туалет. К моей матери тут же приклеилось прозвище « Мурзилка».

8

Но все эти прозвища и клички говорились в пересудах и ссорах, возникающих на кухне, где выяснялись отношения в части занятия не своей конфорки или плохо убранного коридора и кухни, которые убирались по очереди, в зависимости от количества членов семьи. На одного члена семьи полагался срок уборки в одну неделю, за которым тщательно следили, вывешивая график уборки. Зато на праздник был другой график, это очередь печь пироги, так как духовки было всего две. Зато

потом все угощали друг друга своими пирогами. Особенно вкусно пекла Мануря, мать Алимки и Шамиля. Это был пелемяч, по нашему беляши, чак-чак и другие вкусности, которые отдавались детям. На праздники накрывались большие столы в коридоре, а на 1 Мая прямо на улице. Веселились и гуляли долго и весело. Пели песни, устраивали танцы и пляски. Дети тоже готовились и устраивали детский концерт.

В нашем дворе еще стоял небольшой домик, где жила семья, состоящая из бабки с дедом, их дочери и внучки, нашей ровесницы – Таньки Исканцевой. Говорили, что её старый дед, якобы, был сыном хозяина трактира. Жили они рядом с нами, однако ни с кем из соседей не общались. Таньку иногда выпускали гулять во двор и мы сначала отнеслись к ней

настороженно, но потом подружились. Её бабка седая и страшная, одевалась во все черное. Наши родители сторонились ее, даже боялись, и никогда не вступали с ней в разговор, называли за глаза колдуньей и ведьмой. Отца у Таньки не было, но никто из нас не смел расспрашивать её, видя реакцию взрослых на их семью.

9

Еще говорили, что старший сын Исканцевых сидит в тюрьме и не дай бог, если его выпустят.

Скандалы на кухне разгорались часто, вот тогда и пускались в ход всякие немыслимые прозвища и обзывания. Доходило и до драк. Особенно скандальной была «Нинка-бегемотиха». Уж как изощрялась, чтобы досадить соседям. То в суп волос набросает очередной неприятельнице, то мусор под дверь насыплет. Утихомирить ее мог только муж и когда она особенно расходилась и устраивала драку, он выходил из своей комнаты и оттаскивал ее от жертвы, успокаивая словами: Ниночка, цветочек, успокойся, пойдем домой, – на что вся кухня жутко смеялась. Но как ему, субтильному мужичонке

Удавалось справиться с этой 150-килограммовой тушей- оставалось загадкой.

Мы, дети, всегда сбегались посмотреть на эти отвратительные сцены, а матери старались увести нас в комнату, запрещая выходить оттуда, пока все не закончится. Несмотря на то, что мы были из совершенно разных семей, с разной религией и воспитанием, разным статусом и убеждениями, мы мирно играли во дворе в разные игры. Чаще всего играли в войну, прятались по сараям, изображая разведчиков. Надо сказать, что рядом за забором жила еврейская семья, где росла наша подружка Рита. Дом окружал прекрасный сад, где мы чаще всего играли. Её родители никогда нас не выгоняли и не препятствовали нашей дружбе.

10

Наш двор вместе с домами и сараями, где мы проводили большее время, казался нам очень большим.

С одной стороны забор, отгораживал Риткин дом, а с другой железный забор отгораживал территорию школы, куда мы отправились, достигнув семилетнего возраста. Школьный забор был из мощных четырехгранных стержней, заканчивающихся вверху острыми стрелами..

С этим забором связана забавная детская история.. Зимой, когда сугробы достигали человеческого роста, забор становился маленьким, через который было легко перепрыгнуть и очутиться на территории школы. В морозный день, не зная зачем мне захотелось его лизнуть, представив, что он в белом инее похож на весеннюю сосульку. Железо быстро прилипло к языку, но я во время его отдернула. Светка и Танька, увидев это, тоже захотели приложиться к забору и так и прилипли к забору с раскрытыми ртами, устроив громогласный рев. Выбежавшие на крик матери влепили нам еще и по заднице, наказав за это домашним арестом. В другой раз, когда снег был уже рыхлым, я перелезая за забор, зацепилась за острую стрелу забора своим пальто и повисла на нем, как на вешалке. Как не пытались дети снять меня с забора, сил не хватало. Они проваливались в снег, не доставая меня, тем самым, еще более утоптав место моего заключения и сильнее закрепив меня на остром крючке. Криком

«Ваша Алька на заборе повисла», – они сообщили обо мне моей матери. Снимать меня пришел старший сын Манури – Равиль, который оказался на тот момент дома. Конечно, влетело мне здорово – и за разорванное пальто и за висение на заборе.

11

Так случилось, что все дети нашего и соседних домов в детские сады не ходили, получить там место было практически невозможно. Мы находились под присмотром матерей или бабушек, которые не работали, занимались домашним хозяйством.

Зато мужчины, придя с работы получали вкусный обед, а потом шли во двор, где стоял большой стол, за которым все собирались. Но это было в теплое время года. Зимой же, в холодные вечера выходили на кухню или в коридор покурить и пообщаться друг с другом. Ложились спать рано, так как утром снова на работу, в основном на завод или фабрику, заводской гудок оповещал в семь часов утра начало рабочего дня. Опоздания не признавались ни под каким предлогом, а строго наказывались. Служащие начинали работу на час позже, зато сидели почти до ночи, это называлось ненормированным рабочим днем.

Я помню, что вечером, когда все отужинав, сидели в своих комнатах, кухня освобождалась. Тогда, не сговариваясь, я со Светкой, Шамилем и Алимом собирались на кухне и делились разными историями, а то и тихо играли, пока родители не звали нас домой, спать.

В воскресенье угол Душинской улицы и Шоссе Энтузиастов представлял собой толкучку, барахолку, то есть блошиный рынок, где продавали и покупали все, что угодно. Наш двор, несмотря на громкие протесты жильцов, особенно женщин, превращался в примерочную, скупочную, разделочную и прочую атрибуцию спекулянтов, перекупщиков и мошенников.

12

Наши матери накрепко запрещали нам в это время выходить во двор. Но все действо мы наблюдали из окон кухни, а то и с крыльца, выглядывая из открытой двери. Под нашими окнами происходили драки, обмены и обманы, воровство и всякие другие неприятности.

Вот в одно из таких воскресений, после закрытия рынка, все высыпали во двор, наслаждаясь наступившей тишиной и выглянувшим солнцем. Был конец апреля, снег уже растаял, только в сараях оставались глыбы льда, которые специально складывали в углу, накрывая брезентом, или бросали в подпол, в котором хранили продукты и съестные запасы. Холодильников тогда ни у кого не было, так же, как телевизоров и телефонов..

Запасы продуктов тоже были минимальные, в основном носили туда кастрюли с супом или щами, которые варились в больших количествах в таких же непомерно огромных кастрюлях. Первое блюдо было основной едой в то время, потом каша или макароны и хлеб. Масло и колбаса покупалось не более 100 -200 граммов, чтобы сразу съесть.

Не помню, кто первый увидел между стеной уборной и забором ноги лежащего на земле мужчины. Все засуетились, кто-то побежал через дорогу к телефону-автомату, звонить в милицию. Милиционеры со следователем приехали быстро. Стали опрашивать свидетелей, но таковых не оказалось. Никто ничего не видел. Труп увезли. Все еще долго делились впечатлением от увиденного и терялись в догадках, как это могло произойти.

Буквально через неделю дом взбудоражила еще одна новость. Вернулся из тюрьмы сын Исканцевых, Виктор.

13

Последний раз он отсидел за разбой. Из своих неполных тридцати лет жизни Витек, не считая 15-ти детских лет, когда впервые загремел за решетку, на свободе провел не больше пяти. Вот почему все так напряглись, когда узнали о его освобождении.

Больше всех переживала Мануря, боялась за своего сына Равиля, который и так состоял на учете в милиции и благонадежностью не отличался.

Когда он был дома, только и слышалось, как Мануря кричала ему: « Равиль, Киль мэндэ, киль мэндэ».

Сначала, мы со Светкой думали, что она так ругается, хотя матершинницей не слыла. Но потом Алим перевел, это «иди сюда или ко мне». После появления Витька за большим столом во дворе стала собираться компания, играли в карты. Стали появляться во дворе и незнакомые личности. Но мужики, жившие в нашем доме, при строгом запрете жен, с ними старались не общаться. Сухое рукопожатие или кивок головы в ответ на приветствие Витька или его знакомых, все, что себе

позволяли наши отцы. Зато Шипулиха расцвела, у нее стали появляться новые платья, она ярко красила губы и блистала шестимесячной завивкой. В выходные все чаще вытаскивался на улицу патефон и устраивались танцы. Тогда к нам приходила из соседнего двора Ритка, хотя ей это запрещалось, и мы, дети, пересмеиваясь, смотрели, как танцуют взрослые. В танцах принимали участие молодые люди из подвала, Шипулиха и ее подружки, приезжавшие на вечеринку. Главой праздника всегда был Витек со своими дружками. Надо отметить, что с его приездом в наш двор перестали приходить люди с толкучки.

14

Уж как он это сделал, никто не знал. Да и рынок со временем прекратил свое существование. Участковый тоже часто посещал наш двор, наблюдая за Витьком и его посетителями, иногда выясняя с ними какие-то обстоятельства.

ПОХОРОНЫ И. В. СТАЛИНА

Произошел еще один случай, который нанес травму нашим детским душам. Это было в тот год, когда все мы собрались пойти в школу, в первый класс, так как были одногодками.

В марте 1953 года умер И. В. Сталин – вождь всех народов в СССР. У нас на кухне собрались все соседи, женщины плакали.

Все думали, что хорошая жизнь кончилась, что будет дальше никто не знал. Не будет каждую весну снижения цен, которых так ждали. Не будут продавать по дешевке яйца перед пасхой или 1 Мая, за которыми мы стояли в длинных очередях. Причем

стояли все, и взрослые и дети, а у каждого на руке химическим карандашом стоял номерок, так как давали ограниченное количество, а не столько, сколько хочется. Если очередь была большая, то отходили, а в это время делали перекличку и переписывали номера, и итог – кто не успел- тот опоздал. Занимать надо было снова. Крупу давали по 2 килограмма, колхозники, приезжавшие в Москву из других областей, деревень и сел тоже набирали ее, занимая очередь несколько раз. Вот с этим и боялись, наверное, расстаться люди, привыкшие к этой жизни, считая себя счастливыми.

15

Помню, как во время похорон Сталина встали все машины на Шоссе Энтузиастов. Целую минуту гудели предприятия, заводы, фабрики и машины. Это было жутко. Мы смотрели, как плачут взрослые, слышали этот леденящий душу гул и ждали ужасного несчастья. И оно пришло. Равиль, Витек и несколько молодых людей решили пойти на похороны. За ними увязался Шамиль, несмотря на протесты матери.

Тело Сталина выставили для прощания в Колонном зале Дома Союзов. Основные потоки туда устремились со стороны Курского вокзала, Чистых прудов, Цветного бульвара и Тверской. Тех, кто хотел попасть от Волхонки и Воздвиженки, отправляли на Трубную площадь: говорили, что там нужно занимать очередь, которая должна двигаться по Москве до Колонного зала.

Во второй половине дня у Трубной площади скопилась масса людей, которые пришли со стороны Рождественского и Сретенского бульваров. На Сретенском стояла колонна грузовиков, причем стояла очень плотно, буквально впритык. Выбраться на проезжую часть невозможно, а с другой стороны – стена дома, так что деваться некуда. Но никто в тот момент еще не предполагал, что это может стать ловушкой. Люди шли дальше

Шансов выжить у людей в толпе было немного, а найти спасение в переулке невозможно, потому что он был перекрыт. Люди гибли под ногами других людей: их раздавливало о фонарные столбы, чугунные решетки и борта машин.

«Эти борта были в крови», – вспоминал потом выживший в давке поэт Евгений Евтушенко.

16

«Меня притиснуло движением к этой девушке, и вдруг я не услышал, а телом почувствовал, как хрустят ее хрупкие кости, разламываемые о светофор. Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня понесла толпа…»

Еле живые вернулись наши соседи, но без Шамиля. Помню этот страшный крик Манури утром. Равиль рассказал, как все было.

Они попали в настоящую западню. Была давка, люди, не имеющие выхода из толпы, двигались в одном направлении. Нельзя было даже вытащить руку, нельзя было вздохнуть полной грудью. Кто не выдерживал и падал, того тут же затаптывала толпа. Шли по людям. На площади стоял трамвай, наполненный людьми, люди из толпы пытались втиснуться туда еще и даже забраться наверх и чуть его не перевернули. Равиль, у которого на плечах сидел Шамиль, изнемогал от усталости, чуть не падал и дальше идти не мог. Витек сообразил, что можно помочь забраться Шамилю на крышу трамвая. Им это удалось. Сами они остались стоять рядом, так как идти дальше сил не было. Простояли так несколько часов, наступила ночь, толпа начала редеть. Машинист трамвая попытался освободить трамвайные пути от людей и продолжить движение. Он дал пронзительный гудок, предупредил чтобы люди слезали с крыши. Место на путях стало освобождаться. Трамвай вдруг резко дернулся и остановился. Шамиль слетел с крыши прямо под колеса трамвая.

Мануря по-татарски кричала и плакала. Все, как могли успокаивали ее. Мы со Светкой и Алимкой, притихшие и испуганные стояли рядом и тоже плакали.

17

Потом побежали во двор к Рите, чтобы рассказать ей о трагедии. Они обедали. Нас посадили за стол, налили суп в тарелки. Навсегда запомнился это обед в тишине, от которой все звенело в ушах, несмотря на то, что Шоссе Энтузиастов шумело днем и ночью так, что приехавшие к нам родственники не могли даже заснуть.

А мы привыкли и не обращали на это внимание. А сейчас почему-то было тихо. Позже я поняла, окна Риткиного дома выходили в сад, с другой стороны шоссе.

В один из следующих дней в дом к Исканцевым пришли участковый и следователь. Были там долго. Затем приехала милицейская машина. Один из милиционеров поднялся к нам в надежде найти двух понятых для обыска. Желающих не было. Он в приказном порядке указал на Мужа « бегемотихи», Константина Ивановича и Эдика Кошелева. Они ушли вместе с милиционером. Женщины собрались на кухне, гадая, что еще могло произойти.

Обыск продолжался недолго, после чего старика Исканцева и его сына посадили в «воронок» и увезли. Вернувшиеся Эдик и Константин рассказали, что убитый мужчина, найденный во

дворе, оказался бывшим зятем, мужем дочери Исканцевых, а значит и Танькиным отцом. Соседи с еще большим пылом строили версии и догадки по поводу случившегося. Откуда тот мужик мог появиться во дворе, кто его мог убить, если Витек был еще на «зоне», а может уже не был?

18

Старый Исканцев вряд ли справился с молодым, здоровым мужиком. Кто тогда?

– Наша милиция разберется, найдет, не боись —

Убежденно говорил Константин Иванович, ему вторила его жена, картавя произнося слова.

– Пхотивный стахик, этот Исканцев, он же сынок бывшего хозяина тхаактига. Нажили свое добгро, зхря их не хрестреляли в семнадцатом.

– Ну и что, что сын, причем тут это? – спорили остальные.

– А то, что воспитал разбойника с большой дороги, весь дом боится, спокойно было, когда в тюрьме Витек сидел, а сейчас опять жди чего-нибудь этакого. —

– Ни воры, ни бандиты, дома не воруют и не убивают, поэтому мы можно сказать под защитой, – вставил Равиль.

– А что же у Василия Ивановича в прошлом году костюм прямо ночью стащили с вешалки, пока они спали. Через окно палкой стащили, никто не слышал —

– Так Витька то не было, потому и стащили – смеялись мужчины.

Так и стали жить в ожидании чего – то неприятного, необъяснимого.

19

НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО

В том году Пасха почти совпала с 1 Мая. Женщины в нашей коммунальной квартире были исключительно набожны. Готовились к Пасхе основательно. Чистили, стирали, крахмалили белье и скатерти. Еще были кружевные подзоры на кроватях, салфетки связанные и вышитые своими руками. Помню, как мама перестирала все, что было в доме и постелила белую накрахмаленную китайскую скатерть на стол. Я рисуя в альбоме, случайно размашисто черканула и карандаш вылез за лист бумаги, оставив красную маленькую черточку на скатерти. Я стала ее замывать водой, от этого она растеклась до размера пятикопеечной монеты. Мне казалось это очень заметно на белой скатерти. Я взяла ножницы и вырезала это пятнышко, поставив на это место вазу, хотя это был далеко не центр стола. Мама, конечно, сразу заметила мое художество. Конечно, меня ругали, но я не помню, чтобы сильно и зло наказывали.

Женщины нашего дома были верующими, ходили по воскресеньям в церковь, соблюдали посты и церковные

праздники. Мужчины вслух это не одобряли, но и не запрещали. У татар были свои праздники, которые никак не

перекликались с православными, однако, это никому не мешало праздновать и те и другие.

20

Праздновали весело. Пекли пироги, угощали традиционными блюдами. Пасху отмечали особенно. В этот день обычно одевали все новое. Мне тогда тоже надели новое белое платье, вышитое заботливыми мамиными руками.

Новые ботинки сверкали своей голубизной. Мы собирались в гости к папиным приятелям, которые жили в Перово, тогда это был загород, в частном доме с садом, сиренью и цветами, желтыми шарами, которые все называли золотыми. Меня отправили на улицу, погулять до отъезда в гости. Во дворе меня уже ждали мальчишки Алим и Щамиль, которого выписали из больницы. У него не было одной ноги, поэтому он ходил на костылях, правая рука тоже была повреждена в районе кисти. Но юность брала своё, он гонял на своих костылях, едва успевая за мальчишками и нисколько этим не смущался.

Мы играли в прятки. Уж не знаю, где я нашла единственную оставшуюся от весны грязную лужу с еще не растаявшим черным снегом. Только пришла я домой в платье, застиранном на нашей колонке холодной водой, от чего оно выглядело еще хуже, с мокрыми черными подтеками снизу до верху. Мама, увидев меня, пришла в ужас, стирать в Пасху – великий грех, да оно и не высохнет, а другое платье подготовлено не было. Да и что говорить, расстроились все. Я еще не сказала про ботинки, носки которых были ободраны начисто, будто их носили целый год, лазая по горам. Меня переодели, выдали старую обувь и мы поехали к дяде Грише и тете Клаве. Это были старинные друзья, еще с рабфака, на котором они учились.

21

Только потом их пути разошлись, мой отец учился в МИИГАиКе, это институт инженеров геодезии и аэрофотосъёмки, а дядя Гриша пошел по стопам отца, работающего в сыскной полиции еще в Царской России, стал следователем. Я любила ездить к ним, мне нравилось дружить с их дочками Людой и Машей. Они были чуть старше меня, но со мной общались на равных, рассказывая много интересного, чего я не знала. У них в доме была большая библиотека и мне казалось, что столько книг прочитать за целую жизнь невозможно. Их родители дарили мне красивые толстые книги на праздники и дни рождения, подписывая на память.

В этот раз я увидела там новых людей, позже случай свел меня с одним из них и я не знала, как на это реагировать.

А дело было так. Через несколько дней после ареста Исканцевы вернулись домой. Все стали ждать, что будет дальше.

Мы, дети, по прежнему, играли во дворе у Ритки. И как-то мама позвала меня с улицы и попросила сходить за сметаной к сегодняшнему борщу. Надо сказать, что молочная (тогда так назывался магазин, где продавали исключительно молочные продукты) находилась не близко. Надо было пройти до середины Горбатого моста, где внизу располагалась свалка металлолома и можно было наблюдать сверху, как большие магнитные ножницы вытаскивали из кучи металлолома огромную железяку и опускали ее на платформу вагонетки. Далее спуститься по огромным гранитным ступеням моста вниз, пройти мимо высокого железного ограждения свалки и дойти до молочной.

22

Я гуляла в спортивном костюме, который состоял из кофты с резинкой на талии и шароваров, таких штанов заканчивающиеся внизу тоже резинкой. Купив банку сметаны, закрытой просто лоскутком бумажки, я спрятала ее под резинку кофты, чтобы она не занимала мои руки. Подбежав к мосту и вступив на его ступени, я вдруг увидела в переходе под мостом Витьку и мужчину, которого я встретила у дяди Гриши. Они о чем то горячо спорили. От удивления я споткнулась о высокие

Ступени моста и упала прямо на гранитную площадку. Банка со сметаной звякнула внутри и масляная белая масса заполнила мою кофту до шеи.

Я вытряхнула осколки банки на землю, насколько возможно вытрясла из под кофты сметану и в таком виде пришла домой.

Моя «бедная» мать, привыкшая к моим постоянным проделкам, на этот раз долго не могла понять, как сметана могла очутиться

внутри и как я умудрилась разбить банку под кофтой и не порезаться.

Я долго думала говорить ли отцу об увиденном, но сначала рассказала об этом Светке и Ритке. Мы решили следить за Виктором и записывать все наблюдения в дневник, который специально завели в школьной тетради. Так как, писать умела только я, мы договорились, что они будут мне сообщать то, что узнают сами.

Одним из ярких воспоминаний детства остались походы в кино. Самым неприятным наказанием было запрещение посещения кинотеатра в выходной день недели.

23

В начале 50-х годов прошлого века на экраны страны вышел трофейный фильм «Тарзан».

Об этом сообщалось в титрах перед фильмом: «Этот фильм взят в качестве трофея в годы Великой Отечественной войны у немецко-фашистских захватчиков»…

Первой, посмотревшей это кино, была Шипулина, которая взахлеб рассказывала на кухне сюжет и сценки из фильма.

Фильмов было четыре. В первом – «Тарзан», разворачивалась увлекательная история авиакатастрофы, в которой все разбивались, кроме ребёнка в люльке. Его схватили обезьяны и воспитали. Слоны, тигры, львы, крокодилы! Все это на экране было так удивительно. А главное – сила, красота и ловкость новоиспечённого Маугли – Тарзана! Он прекрасно прыгал по деревьям, нырял и плавал, как Бог! Тогда мы не знали, что в роли Тарзана снимался знаменитый пятикратный американский

олимпийский чемпион по плаванию, обладатель 67 мировых рекордов Джонни Вайсмюллер.

В следующие выходные мы с соседями поехали в кинотеатр «Слава». Билетов достать было невозможно, очередь занимали с утра. На наше счастье, там оказался Витек со своими

дружбанами. Нам по знакомству, выдали контрамарки (вместо билетов) на последний ряд и мы к нашей великой радости оказались в зале.

Сказать, что фильм произвел на нас, детей, большое впечатление, это не сказать ничего.

24

Это был восторг, который нельзя описать словами. На следующий день после просмотра все дворы и территория, окружающая нас оглашались гортанными тарзаньими криками и ответным бормотанием обезьяны Читы.

Мальчишки тайком брали у матерей, а то и отвязывали прямо со столбов бельевые веревки, к досаде и ругани женщин. Они скручивали из них подобие лиан, веревочных лестниц, которые прикрепляли к деревьям или чердаку нашего дома, а потом с гиканьем спускались на них вниз, получая за это тумаки и брань взрослых.

Когда мы возвращались из кино, я проболталась родителям, что видела знакомого дяди Гриши с Виктором. Они очень удивились, хотя отец, по- моему, о чем то догадался. Телефонов тогда ни у кого не было. Можно было позвонить с работы своему

Родственнику или знакомому, и то если у того был доступ к телефону. Но люди находили способы общения и мой отец сообщил дяде Грише о моей встрече. А через несколько дней на кухню вышел зареванный трехлетний Вовка и сказал, что хочет есть, а мамка всё лежит и не встаёт. Женщины бросились к ним в комнату. Там на кровати лежала Людмила, белая, как простынь. К ней подошла Светкина мать и сказала, что она уже умерла. Все

собрались в коридоре и стали ждать милицию и медиков. Вовку забрала к себе в комнату Мануря, накормила и успокоила его.

Шипулину забрал катафалк, а милиция еще долго опрашивала соседей. Ко всеобщему удивлению никто ничего не видел и не слышал. Последний Людкин « кавалер» не появлялся уже неделю.

25

Опять забрали Виктора, который орал, что он ничего не знает и зачем ему « гадить дома и вообще он не при делах».

Мы со Светкой стали смотреть дневник и обнаружили, что за два дня до убийства, его вообще не было видно. Спросили об этом Таню, она подтвердила, что дома его не было.

На какое то время все эти происшествия забылись. Быстро проскочило лето и наступил долгожданный сентябрь, когда все мы отправились в школу, мы с девочками в 1 класс, а Алим в четвертый. Он уже учился в мужской школе, которая находилась за Горбатым мостом. В том году, в связи с объединением женских и мужских школ, учиться мальчики и девочки стали вместе, поэтому он был переведен в нашу школу, которая была за забором нашего дома. Моя форма отличалась от купленной в магазине штапельного коричневого платья и невзрачного белого фартука. Мама сшила мне красивое шерстяное платье и белый фартук с воланами. Волосы заплели в тугие косы с белыми бантами. Со школьной формой было очень строго. Белый фартук и белые банты разрешались только по праздникам, о чем извещалось в школе, в остальное время черный фартук и черные или коричневые ленты в волосах. На физкультуре разрешался белый верх и черный или синий низ. Для девочек вплоть до четвертого класса короткие сатиновые шаровары до колен, с пятого класса длинные шаровары. Шаровары – это такие сатиновые штаны, у которых штанина на конце собрана на резинку. Мальчикам до пятого класса разрешали приходить на урок физкультуры в сатиновых черных или синих трусах до колен или чуть ниже, а потом в шароварах до щиколотки.

26

Читать, а потом и писать печатными буквами, я выучилась сама еще до школы. Так, увидев вывески на магазинах или крупные

буквы в газете «Правда», которую в обязательном порядке выписывал мой отец и которую каждый день приносил нам почтальон, спрашивала у взрослых как называется буква.

Никто мной не занимался, тем более, что общая тенденция тогда состояла в том, что самим ребенка учить нельзя, в школе научат правильно читать и писать. Уж как можно научиться неправильно читать или писать, объяснению не подлежало. Помню, лет в пять, в метро, я стала называть буквы, которые видела в словах, написанных на дверях вагонов. Дошла до мягкого знака и задумалась. Мама спрашивает :

– А эту букву ты не знаешь?

– Знаю, просто немного забыла, – и подумав ответила,

– это мягкий знак,

– Правильно, а еще какой знак есть?, продолжила мама.

И с уверенностью, громко на весь вагон я заявила:

– А еще есть крррепкий знак!!!

Весь вагон лежал от смеха.

За мою бойкость, любознательность и любовь к чтению в школе мне иногда влетало. Так, в первом классе учительница

поставила мне большую единицу за чтение, потому, что я прочла урок не по слогам, а нормально, залпом.

27

Рыдая дома от несправедливости, я еще и обозвала ее дурой, за что потом просила прощения у всего класса. Дисциплина в школе была очень строгой. На переменах мы должны были парами выйти из класса и ходить по кругу во время отдыха. Уйти можно было только в туалет и то дежурные учителя постоянно туда заглядывали и выгоняли, если вдруг кто там задержался. Никаких кабинок или дверей в туалетах не было. Старые унитазы (толчки) стояли без перегородок в линейку.

Мальчишеский туалет на переменах проверял завхоз или учитель труда, других мужчин в школе тогда не водилось. Школа приучала нас к дисциплине, труду, уважению старших и многому другому, что в прочем отражалось в кодексе строителя коммунизма, который практически списан с библейских заветов, но которые начисто отвергались. Атеизм был основой, уставом советской жизни. Любая религия высмеивалась и даже наказывалась. Начиная с пионерских и комсомольских времен своего детства и юности, я яростно боролась со своей матерью и ее верой в Бога. До школы она каждое воскресенье водила меня в Храм Петра и Павла на Красноказарменной улице. Но ни я, ни отец не поощряли ее посещения церкви. Я помню, что соседи тоже не так открыто праздновали религиозные праздники, как раньше. С каждым годом это становилось все более невежественным и неприличным. На Пасху кулич и яйца прятали в сумки, чтобы их, не дай Бог, было видно, а потом украдкой шли в церковь их святить.

28

В канун Пасхи ставились самые интересные передачи на радио, а потом и телевидении. Комсомольцы-дружинники зорко следили за молодыми людьми, пришедшими на службу, всячески стараясь не допустить их туда, благосклонно относясь к тем, кто проявлял

неуважение к верующим и насмешничал. Верующих не принимали ни в комсомол, ни в партию, а если узнавали об этом, могли тут же исключить. В 70-е и 80-е годы прошлого столетия накануне Пасхальной службы в полночь, чтобы отвлечь молодежь от праздника по телевизору показывали иностранную эстраду, которую в то время давали очень дозированно и что вызывало большой интерес.

Вера пришла ко мне позже, где-то к сорока годам, после смерти матери. Тогда же я стала ходить в Храм, но долгое время, вплоть до девяностых годов, оглядываясь, выбирая места, где меня никто не мог увидеть. Что и говорить, когда я, уже взрослая тетка, 35-ти лет вместе со своей подругой украдкой крестила крестницу, ее дочь. Не понимаю до сих пор и не могу объяснить почему, мы в основном, хорошо образованные и неглупые люди были тогда твердо убеждены в правоте советского общества, которое не принимало инакомыслия, идущего в разрез с идеологией коммунистической партии. То ли время нас так зомбировало с его непростительно атеистической, советской запретительной идеологией, то ли еще что, но мы, действительно воспринимали весь наш строй самым справедливым и правильным. Были так называемые инакомыслящие или диссиденты, но я не разделала и до сего времени не разделяю их позицию.

29

Медицинский факт – человеческая память отсеивает негативные воспоминания и старается оставлять только позитивные. А всё, что связано с детством и юностью – для большинства людей – самое счастливое время в жизни. Поэтому неудивительно, что для многих времена Советского Союза сейчас воспринимаются, как лучшее, что было в их жизни. Несмотря на очереди, отсутствие удобств, однообразия мясных, колбасных и прочих продуктов, никто из нас не голодал. А к празднику у каждой семьи в холодильниках хранились, а потом выставлялись на стол различные деликатесы,

которые были настолько вкусными, что сравнить их с сегодняшними просто невозможно. Вспоминая свое детство и юность, я, как и всё мои ровесники, называю его счастливым. Детство и юность у целых поколений ушло вместе с их родиной – СССР.

Неудивительно, что теперь, по прошествии времени, эти понятия – Советский Союз и детство слились в одно целое.

Известный журналист Владимир Соловьев удивительно точно вспоминает о том времени.

«Если вы были ребенком в 50-е, 60-е, 70-е или 80-е, оглядываясь назад, трудно поверить, что нам удалось дожить до сегодняшнего дня. Мы ели пирожные, мороженое, пили лимонад, но никто от этого не толстел, потому что мы все время носились и играли. Из одной бутылки пили несколько человек, и никто от этого не умер. Зато у нас были друзья. Мы выходили из дома и находили их. Мы катались на великах, пускали спички по весенним ручьям, сидели на лавочке, на заборе или в школьном дворе и болтали о чем хотели.

30

Когда нам был кто-то нужен, мы стучались в дверь, звонили в звонок или просто заходили и виделись с ними. Помните? Без спросу! Сами! Одни в этом жестоком и опасном мире! Без охраны! Как мы вообще выжили?

В детстве мы ездили на машинах без ремней и подушек безопасности. Поездка на телеге, запряженной лошадью, в теплый летний день была несказанным удовольствием. Наши кроватки были раскрашены яркими красками с высоким содержанием свинца. Не было секретных крышек на пузырьках с лекарствами, двери часто не запирались, а шкафы не запирались никогда. Мы пили воду из колонки на углу, а не из пластиковых бутылок. Никому не могло прийти в голову кататься на велике в шлеме. Ужас!

Часами мы мастерили тележки и самокаты из досок и подшипников со свалки, а когда впервые неслись с горы, вспоминали, что забыли приделать тормоза. После того, как мы въезжали в колючие кусты несколько раз, мы разбирались с этой проблемой. Мы уходили из дома утром и играли весь день, возвращаясь тогда, когда зажигались уличные фонари, там, где они были. Целый день никто не мог узнать, где мы. Мобильных телефонов не было! Трудно представить. Мы резали руки и ноги,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.